

Политический аспект языковых реформ в КНР

Владимир Александрович Клиновский,
аспирант кафедры истории, археологии и этнографии Бурятского государственного университета.
E-mail: jema.d@yandex.ru

В статье анализируются языковые реформы, проводившиеся в Китае в течение XX в., с точки зрения их политического содержания. Рассматриваются в историческом контексте цели и задачи основных преобразований в области письменного и разговорного языка, осуществлявшихся правительством Китайской республики и Коммунистической партией Китая после создания КНР.

Ключевые слова: КНР, Китай, конституция, конституционное право, китайский язык, языковая политика, государственный язык, официальный язык, языковые реформы, образовательная политика, реформа письменности.

The political aspect of language modifications in China.

Vladimir A. Klinovsky, postgraduate, Dept. of History, Archaeology and Ethnography, Buryat State University.

The article gives analysis of the linguistic reforms in China in the period of the XX century in terms of their political content. The author considers in the historical context the issues and objectives of the main transformations in written and spoken languages made by the government of the Republic of China and the Communist Party of China after the establishment of the PRC.

Key words: The PRC, China, constitution, constitutional law, the Chinese language, language policy, official language, linguistic reforms, education policy, written language transformations.

Язык, как один из факторов, формирующих нацию, является очень важным элементом культуры в любом обществе. С одной стороны, любой язык развивается исторически под влиянием естественных факторов, с другой — направление его развития нередко определяется политической ситуацией: очень часто, особенно в XX в., целенаправленное реформирование языка становилось средством реализации какого-либо политического курса. Это прежде всего касается таких многонациональных государств, как Китай, где языковая общность является важным фактором территориальной целостности, поэтому языковая политика становится одной из составляющих национальной политики. Этой проблеме всегда уделяли особое внимание как руководство Китайской республики, так и (после образования КНР) Коммунистическая партия Китая.

Как известно, основными практическими методами осуществления языковых реформ являются законодательное регулирование языковых

отношений путём закрепления за каким-либо языком статуса государственного и официального и непосредственное воздействие на внутреннюю структуру языка. Долгое время статус языка в Китае не был предметом законодательного регулирования. В первой половине XX в. закон о государственном языке в Китае так и не был принят. Во всех четырёх конституциях Китайской республики (существовала в континентальной части Китая с 1912 по 1949 г.), включая последнюю, принятую в 1947 г. и действующую по сей день на о-ве Тайвань, слово «язык» (语言 *юйянь*) не употребляется вовсе. Положения, регулирующие статус языка в стране, появились в конституциях КНР с 1954 г., но в основном затрагивали только права национальных меньшинств на использование и развитие своих языков. На протяжении большей части XX в. языковая политика китайского руководства осуществлялась как раз посредством реформирования внутренней структуры языка.

Первые реформы были скорее вынужденными, чем спланированными руководством страны; их предпосылки возникали стихийно. Так, с 1915 г. в независимых печатных изданиях Китая стали появляться литературные произведения на разговорном языке (кит. 白话 *байхуа*). Это было связано с тем, что классический литературный язык *вэньянь* (文言) основывался на нормах древнекитайской грамматики и лексикологии, из-за чего на протяжении всего позднего средневековья и нового времени чтение любой литературы в Китае (за исключением разговорной драмы, которая считалась низким жанром) было доступно только узким кругам интеллигенции [1, с. 131]. В дни «Движения 4 мая» (1919) одним из требований протестующей молодёжи было введение в художественную и публицистическую литературу норм современного разговорного языка. Это преобразование резко повысило культурный уровень народных масс и стало исторической вехой в литературе Китая.

Вместе с тем реформа имела определённые последствия для политической жизни страны, так как в перспективе обеспечивала широким слоям населения доступ к печатным средствам массовой информации. Она была одной из немногих реформ, проводившихся «снизу», поскольку инициатором её выступили сами граждане.

Реформирование же письменности, в свою очередь, осуществлялось в Китае исключительно сверху. Задачей первой из таких реформ (1918) было создание в китайском языке фонетической транскрипционной системы с целью приблизить его к мировым лингвистическим стандартам и облегчить его изучение, т.к. китайские иероглифы являются фоно-идеографическими символами, и их написание крайне неявно отражает произношение обозначаемых ими слов. Первым этапом реформы была разработка учёными оригинальной системы письменных знаков, отображавших все фонемы китайского языка. Этот алфавит начал создаваться ещё в 1913 г., вскоре после создания Китайской республики, и получил название *чжунь цзыму*. В течение длительного времени он не получал распространения.

Также был отложен на неопределённый срок второй этап реформ, заключающийся в латинизации китайской письменности. Это было связано с политической децентрализацией Китайской республики в последующие

десять лет. Дальнейшее развитие реформа получила только в 1928 г. Тогда же была предпринята первая попытка ввести латинский алфавит в качестве официальной транскрипционной системы для записи произношения иероглифов. За основу взяли американскую модель транскрипции китайских слов. Был разработан подробный проект реформы, и после обсуждения эта система была разрешена к применению во внешнеполитической сфере. Таким образом, для переводов международных документов использовалась латинская транскрипция, а для обучения китайской письменности в образовательных учреждениях использовался алфавит *чжуинь цзыму*. В это же время в северных районах Китая, контролируемых войсками коммунистической партии, была введена латинизированная транскрипционная система под названием 拉丁化新文字 (дословно «новая латинизированная письменность»), созданная совместно китайскими и советскими учёными [2, с. 12]. Две эти системы существовали независимо друг от друга на территориях, подконтрольных враждующим тогда партиям КПК и Гоминьдан. В политическом смысле эти системы были привязаны к двум различным моделям «единого Китая», конкурировавшим в тот период.

Реформа по латинизации письменности была своеобразным соревнованием между различными политическими силами Китая. Различия в способах её осуществления стали частью идеологической борьбы между республиканской и коммунистической частью страны. В течение 1930—1940-х гг. в связи с тяжёлой политической обстановкой она сбавила темп, и только после образования Китайской Народной Республики в 1949 г. создана используемая до наших дней единая транскрипционная система *пиньинь* [3, с. 27].

Другим направлением реформирования письменности была программа по упрощению иероглифических знаков, которая начала осуществляться в 1935 г. Суть её состояла в том, что в определённых иероглифах предлагалось сократить количество черт либо заменить некоторые иероглифы другими, более простыми в написании. Это помогло бы увеличить скорость письма и облегчить запоминание знаков. Инициаторы планировали заменить 324 наиболее сложных иероглифа упрощёнными аналогами. Однако националистически настроенные члены партии Гоминьдан отвергли реформу, так как усмотрели в ней угрозу культурной самобытности китайской письменной традиции [3, с. 28]; она была продолжена уже после образования КНР. В 1949 г. при правительстве был создан особый Комитет по реформированию письменности, который к 1955 г. представил план постепенного введения в употребление упрощённых иероглифических знаков (на этот раз их было 2236) [4, с. 56]. Реформа была завершена в 1964 г. Помимо популяризации народного образования, данная реформа имела определённые политические цели.

В истории Китая XX в. прослеживается закономерность: крупные реформы языка проходили, как правило, сразу же после политических катаклизмов. Подобно тому как разработка фонетического письма началась после свержения монархии, реформа по упрощению иероглифов стала осуществляться сразу же после установления коммунистической диктатуры

в материковом Китае. Идеологическая программа КПК в первые годы существования «нового Китая» была направлена не в последнюю очередь на уничтожение любых пережитков «буржуазной» культуры республиканского периода, в связи с чем классические написания иероглифов, ассоциировавшиеся именно с этой культурой, подлежали замене более современными аналогами. Негативным моментом можно назвать то, что она поспособствовала усугублению культурных различий между материковым Китаем, с одной стороны, и Тайванем, Гонконгом и Макао — с другой, т.к. эти регионы, находившиеся тогда вне контроля КПК, не приняли реформу и продолжают до сегодняшнего дня использовать старые варианты иероглифов.

Следует также отметить, что эта реформа в значительной мере способствовала «культурному перевоспитанию» населения Китая. Так как после введения в употребление системы упрощённых иероглифов изучение классической письменности в образовательных учреждениях полностью прекратилось, новое поколение (обучавшееся в школах с 1964 г.) уже не имело доступа к чтению литературы, ранее издававшейся в Китае. К тому же именно в 1950-х гг. введён жесткий идеологический контроль в области печати, коммунистами массово распространялась пропагандистская литература. Всё это позволило загнать население Китая в жесткие идеологические рамки и отрезать молодёжь от культурного наследия предыдущего исторического периода. Можно сказать, что завершение реформы по упрощению письменности, задачей которой изначально было упрощение обучения китайскому письму, стало в 1960-х гг. одним из этапов подготовки культурной революции.

После образования КНР также делались попытки изменения языковой ситуации на законодательном уровне. Если конституции Китайской республики совсем не касались данного вопроса, то в первой Конституции КНР, вступившей в силу 20 сентября 1954 г., кратко упоминалось положение языков малочисленных народов (ст. 3): «все народы страны обладают свободой использования и развития своих языков» [6]. В той же статье говорилось о равенстве всех народов Китая и об их праве «сохранять либо изменять свои традиции и обычаи». Это объясняется тем, что уже в начале социалистического строительства китайское руководство уделяло очень много внимания национальному вопросу.

Языковой фактор сыграл крайне важную роль в национальной политике КПК во второй половине XX в., прежде всего в 1950-х гг., когда в КНР проводилось всеобщее этнографическое исследование с целью установить точное количество национальных меньшинств, проживавших на территории страны. В 1958 г. исследование было завершено, официально установленное количество народов в Китае — 55, включая ханьцев. (Ещё одна этническая группа, Цзино, получила статус малочисленной народности в 1979 г.) Выделение именно этих 55 групп, по мнению зарубежных исследователей, имело едва ли не единственным основанием языковой признак. Как правило, несколько народов, говоривших на родственных языках, объединялись этнографами в одну группу, национальным языком которой признавался тот, на котором говорило простое большинство.

Именно ему оказывалась поддержка со стороны властей, этот язык охранялся и развивался, а на состояние местных диалектов и говоров, которые большинство учёных сегодня считает самостоятельными языками, внимания не обращали. Это привело к тому, что Китай сегодня является настоящим заповедником исчезающих языков (в начале 2000-х гг. таких насчитывалось около 85) [5, с. 11]. В этом случае наблюдается прямая связь языковой и национальной политики КПК.

Положение конституции о языках малых народов сохранялось на протяжении всей последующей истории КНР, но долгое время оставалось единственным пунктом, хоть как-то регулирующим конституционный статус языка. При этом понятие государственного языка в китайских конституциях вовсе отсутствовало. В середине 1960-х гг. реформы письменности в Китае в основном закончены. К этому же времени в связи со свёртыванием относительно либеральной политики властей и установлением культа личности Мао Цзэдуна конституция КНР стала носить декоративный характер. Начался период постепенной ассимиляции языков малых народов. На них больше не издавалась литература, а указом Государственного совета единственным официальным языком работы органов власти по всей стране, в т.ч. в национальных автономиях, считался китайский. Более за этот период никаких действий, направленных на законодательное регулирование статуса языков, не совершалось. А с началом «великой пролетарской культурной революции» (1966—1976) вся законотворческая деятельность в этой сфере была приостановлена. В 1975 г. принята вторая конституция. Она формально сохраняла все основные права и свободы граждан, в том числе право малочисленных народов на использование национальных языков — что, однако, вовсе не гарантировало соблюдения этих прав в действительности [7].

После принятия конституции 1978 г. (временной по своему характеру), которая восстановила в стране положение, существовавшее в 1950-е гг. [8], началась разработка проекта качественно нового основного закона государства. Четвёртая и последняя на сегодняшний день конституция КНР вступила в силу 4 декабря 1982 г. Помимо закрепления в КНР института частной собственности и допущения предпринимательской деятельности она вводила ряд новых положений в области культуры. Именно в ней и появился впервые некий намёк на попытку закрепления государственного языка. Однако выражалось это весьма специфично: «Государство содействует распространению наречия путунхуа, являющегося общеупотребительным на территории всей страны» [9].

Фактически это означало начало проведения долгосрочной комплексной реформы по стандартизации разговорного языка. Исторически население страны в повседневном общении использует большое количество локальных диалектов, существенно различающихся лексически и фонетически, что значительно затрудняет общение между жителями разных регионов. Реформа проводилась в нескольких направлениях, касающихся регулирования норм разговорного языка, используемого в образовании, государственных учреждениях, СМИ и других областях. Вследствие этого в регионах стала сокращаться сфера использования диалектов, которые по-

следовательно вытеснялись официальным языком *путунхуа* (дословно ‘общепотребительный язык’), основа которого — литературная форма мандаринского диалекта.

Главной целью этой реформы была и по сей день является культурная интеграция различных регионов и укрепление единого политико-экономического пространства на территории всей страны, так как руководство Китая, находившееся долгое время в прошлом в состоянии политической децентрализации, склонно считать одним из факторов, ослабляющих политическое единство страны, культурные различия между её районами. Кроме того, международная практика показывает, что наличие единого языка в литературе, СМИ и научной сфере — критически важный фактор эффективного обмена информацией. Он же, в свою очередь, является главным инструментом идеологического контроля для любой власти. Прежде всего с помощью языка Китай в последние десятилетия пытается преодолеть культурную разобщённость регионов.

Таким образом, языковые реформы XX в. в Китае имели некоторые общие черты. Все они носили затяжной характер, а задачи их зачастую менялись в зависимости от конкретной политической обстановки. Кроме того, цели и задачи всех крупных реформ языка как в Китайской республике, так и в КНР выходили за рамки национальной политики, частью которой традиционно считают языковую политику. Реформы по созданию фонетической транскрипционной системы, упрощению иероглифических знаков, стандартизации разговорного языка и другие программы, так или иначе, были направлены на создание единого информационного пространства на территории страны, которое должно было стать фактором установления централизованной власти и идеологического контроля над населением. С другой стороны, эти же реформы дали толчок развитию народного просвещения и в немалой степени способствовали формированию современной системы образования КНР.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Bai J. Language attitude and the spread of standard Chinese in China // *Language Problems and Language Planning*. 1994. 18 (2). P. 128—138.
2. Zhou Y.G. (2001) Language planning of China // *Journal of Asian Pacific Communication*, 11 (1). P. 9—16.
3. Rohsenow J.S. Fifty years of script and written language reform in the P. R. C. // M. Zhou & H. Sun (Eds.), *Language policy in the People’s Republic of China: Theory and practice since 1949*. 2004. P. 21—43.
4. Zhou M. Multilingualism in China: The politics of writing reforms for minority languages 1949—2002 // *The Contributions to the Sociology of Language Series*. Berlin; New York, 2003.
5. Sun Hongkai. Research on the endangered languages of China // *Zhongguo Yuyan New developments in Chinese linguistics*, Shi Feng and Pan Wuyun (eds.). Hong Kong, 1999. P. 3—17
6. 中华人民共和国宪法(1954) / <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg21752/10935.shtml>
7. 中华人民共和国宪法(1975) / <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg21752/10934.shtml>
8. 中华人民共和国宪法(1978) / <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg21752/10933.shtml>
9. 中华人民共和国宪法(1982) / *法律法规全书. 宪法类*. 北京, 2010.